ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ Н. С. ГОЛИЦЫНА.

I.

Янтарная комната Большаго Царскосельскаго дворца [1].

Происхожденіе этой комнаты столько-же любопытно, сколько и художественное значеніе ея.

Въ 1716 г. Петръ I, съ супругой своей Екатериной, въ проѣздъ изъ С.-Петербурга чрезъ Берлинъ въ Амстердамъ, въ Берлинѣ посѣтилъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I, и обозрѣвалъ съ нимъ разныя примѣчательности прусской столицы. Между прочимъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на одну античную статую и на янтарный кабинетъ. Въ запискахъ сестры прусскаго короля Фридриха II (сына и преемника Фридриха-Вильгельма I), маркграфини Фредерики-Софіи-Вильгельмины Байрейтской (Bayreuth) [2]) находятся любопытныя свѣдѣнія по этому предмету. По ея словамъ, „между античными статуями была одна, изображавшая языческую богиню, въ положеніи очень непристойномъ. Такими изображеніями древніе римляне украшали брачные покои. Статую эту считали весьма рѣдкою и одною изъ лучшихъ въ числѣ всѣхъ существовавшихъ. Петръ очень восхищался ею и, не стѣсняясь, выпросилъ ее и многія другія въ подарокъ себѣ, въ чемъ король не могъ отказать ему. Такимъ-же образомъ Петръ

---

[1]) См. также: Янтарная комната Царскосельскаго дворца, К. Щученко, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, ноябрь 1877 г. — Русскіе великаны въ Пруссіи, г. Пуцилло, М. 1878.

[2]) Mémoires de la Margrave de Bareith, а также сочиненіе лорда Довера (Dover): Histoire de la vie privée, politique et militaire de Frédéric II.

выпросилъ у короля, въ подарокъ себѣ, одинъ кабинетъ, стѣны котораго были сплошь обиты янтарными досками художественной работы. Этотъ кабинетъ былъ единственный въ своемъ родѣ и стоилъ огромныхъ денегъ прусскому королю Фридриху I, но имѣлъ печальную судьбу быть отправленнымъ въ С.-Петербургъ, къ всеобщему и крайнему сожалѣнію всѣхъ въ Берлинѣ". — Касательно-же упомянутой выше статуи, маркграфиня Байрейтская, въ своихъ запискахъ, приводитъ еще любопытный разсказъ, будто „Петръ до того плѣнился этой статуей, что приказалъ Екатеринѣ поцѣловать ее, и видя, что она замялась, крикнулъ „кебабъ", что и заставило ее исполнить это". Въ занискахъ маркграфини, за словомъ „кебабъ" прибавлено въ скобкахъ слово „убью", но въ статьѣ объ этомъ г. Щученко объяснено, что, вѣроятно, было сказано: эка баба!

Позже, 7 января 1717 года, изъ Амстердама Петръ написалъ Бестужеву-Рюмину въ Курляндію слѣдующее письмо:

„Monsieur, когда присланъ будетъ въ Мемель изъ Берлина отъ графа Александра Головкина [1]) кабинетъ янтарной (который подарилъ намъ королевское величество прусской), и оный въ Мемелѣ прійми и отправь немедленно чрезъ Курляндію на курляндскихъ подводахъ до Риги съ береженіемъ, съ тѣмъ-же послапнымъ, который вамъ сей нашъ указъ объявитъ, и придайте ему до Риги въ камвой одного ундеръ-офицера съ нѣсколькими драгунами; такожъ дайте сему посланному въ дорогу до Риги на пищу денегъ, дабы онъ былъ доволенъ, и ежели онъ будетъ требовать подъ тотъ кабинетъ саней, и оныя ему дайте".

„Петръ".

Изъ Амстердама,
генваря въ 7-й день 1717 г.
Господину Бестужеву въ Курляндію [2]).

Въ томъ-же 1717 г., лѣтомъ, Петръ, возвращаясь изъ Амстердама чрезъ Берлинъ въ Петербургъ, въ Берлинѣ снова имѣлъ свиданіе съ прусскимъ королемъ, и возобновилъ прежде заключенный между ними союзъ противъ Швеціи.

Въ 1718-же году Петръ, при грамотѣ, отъ 30 іюля, изъ Петербурга, послалъ королю 35 великановъ, токарный станокъ, баржу и собственноручной работы кубокъ, за что именно—въ грамотѣ не

---

[1]) Сынъ канцлера графа Головкина, бывшій посланникомъ при прусскомъ дворѣ.

[2]) Письмо это приводимъ дословно точно. Кн. Н. Г.

сказано, а только выражено желаніе сдѣлать „особливое удовольствіе,“ — но, можетъ быть, въ благодарность за возобновленіе союза, за гостепріимство, оказанное королемъ Петру и Екатеринѣ въ загородномъ дворцѣ королевы „Mon bijou“, и за подарокъ янтарной комнаты и статуй.

Янтарная комната, по доставленіи ея въ 1717 г. въ Петербургъ, могла быть первоначально устроена, какъ полагаютъ, въ маломъ Зимнемъ дворцѣ, въ которомъ жилъ и умеръ Петръ (тамъ, гдѣ былъ Эрмитажный театръ, у Зимней канавки). А въ Большой Царскосельскій дворецъ она была перенесена, вѣроятно, во время постройки его графомъ Растрелли съ 1744 г.

Объ Янтарной комнатѣ, въ художественномъ отношеніи, можетъ дать нѣкоторое понятіе прошлаго столѣтія опись этихъ янтарныхъ досокъ, а именно: 1) двѣ большія стѣнныя доски, въ которыхъ двѣ рамы съ зеркалами; — 2) двѣ такія-же доски, при которыхъ однѣ рамы поуже; — 3) четыре такія-же доски, немного поуже и каждая съ отдѣльными зеркалами; — 4) два крыла пошире и два другія немного поуже; всѣ эти 12 досокъ одинаковой вышины; — 5) десять особенныхъ панельныхъ досокъ, одинаковой вышины, но разной ширины; — 6) къ этому прибавлены еще, могущія быть употребленными: 1 четыреугольная доска, обложенная янтаремъ, — 1 изготовленный щитъ съ пальмовой головой (?), — 3 изготовленныя большія головы изъ дерева, — 7 маленькихъ головъ, — 14 изготовленныхъ тюльпановъ, — 12 изготовленныхъ розъ, — 3 доски съ раковинами, — 2 изготовленные карниза (Gesimmse), — 2 маленькія наугольныя доски, — 1 маленькая продолговатая доска, съ 2 щурупами или винтами, — 4 маленькія доски, обложенныя янтаремъ, — 23 маленькія доски, слѣдующія къ одному крылу изъ свѣтлаго, отшлифованнаго янтаря, всего 107 малыхъ штукъ; — все это работы мастера француза, сдѣлавшаго это въ Данцигѣ.

II.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ИСПРАВНИКЪ

1820-хъ гг. [1]).

Одинъ коротко знакомый мнѣ почтенный человѣкъ, А. С. А—въ, уже престарѣлыхъ лѣтъ и достойный всякаго уваженія и довѣрія, начавшій службу свою въ 1810-хъ годахъ, въ корпусѣ корабельныхъ инженеровъ, а кончившій се въ гражданскихъ чинахъ и умершій въ отставкѣ въ 1857 г., сообщилъ мнѣ словесно, а потомъ и письменно, весьма любопытный разсказъ изъ первоначальной службы своей. Въ письменномъ разсказѣ своемъ онъ не назвалъ ни уѣзда, ни губерніи, гдѣ произошелъ разсказанный имъ случай, ни фамиліи главнаго дѣйствующаго въ немъ лица, а означилъ ихъ только заглавными буквами. Изъ буквъ М. уѣзда О. губерніи я заключаю, что это должны быть или Малоархангельскій, или Мценскій уѣзды Орловской губерніи, такъ какъ изъ всѣхъ нашихъ губерній на О. только въ Орловской—два означенные выше уѣзда на М. Разсказъ моего знакомаго привожу дословно, только съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями въ редакціи.

— „Въ 182... году я долженъ былъ, по обязанностямъ службы, поѣхать въ О. губернію, для осмотра въ ней казенныхъ лѣсовъ и рощъ. О прибытіи моемъ въ нее, допущеніи меня къ дѣлу и оказаніи мнѣ всякаго содѣйствія и помощи было дано знать всѣмъ властямъ, до кого это касалось, и между прочимъ—уѣзднымъ исправникамъ. По расчету моему, при окончаніи моихъ занятій въ сосѣдней губерніи, мнѣ оказалось нужнымъ переѣхать въ М. уѣздъ О. губерніи, черезъ сутки на 3-й день, а потому, въ избѣжаніе остановки и потери времени, я за три дня послалъ, какъ обыкновенно дѣлалъ передъ этимъ, нарочнаго къ

---

[1]) Разсказъ этотъ сообщенъ намъ кн. Н. С. Голицынымъ 14-го ноября 1880 года. Ред.

исправнику М. уѣзда, съ формальнымъ увѣдомленіемъ. На третій день, рано утромъ, служитель мой докладываетъ, что какой-то крестьянинъ хочетъ видѣть меня. Приказавъ впустить его, я увидѣлъ очень благовиднаго человѣка лѣтъ 35-ти, который, войдя въ избу и помолясь образамъ, поклонился мнѣ, назвалъ меня по имени и отчеству, и подалъ мнѣ клочекъ бумаги, говоря: „отъ Петра Петровича". Осмотрѣвъ этотъ клочекъ съ обѣихъ сторонъ, я увидѣлъ на одной изъ нихъ что-то написанное и спросилъ: „Кто этотъ Петръ Петровичъ?" — „Это — исправникъ".—„А это что̀ такое?" спросилъ я, указывая на клочекъ бумаги. — „Это—письмо къ твоей милости, проситъ-де пожаловать къ нему, въ городъ М.". Ничего не понимая въ этомъ, я сталъ читать написанное на клочкѣ бумаги, именно: „Любезный А. С., я боленъ и не выхожу изъ дому, а потому пріѣзжай, любезный другъ, прямо ко мнѣ переговорить о дѣлѣ, а моя старуха принасла пирогъ и щи для тебя, да найдется и рюмка травничку предстольная, а наливочка застольная, и не одна. Ожидаю тебя. Покорный слуга Петръ С.".

Такого рода посланіе крайне удивило меня: я никакъ не могъ сообразить, что̀ это такое—мистификація или шутка, и, желая разъяснить это, сталъ разспрашивать посланца. Онъ сказалъ мнѣ, что Петръ Петровичъ отецъ имъ, что они при немъ свѣтъ Божій видятъ, что онъ живетъ съ ними уже 20-й годъ и что Боже сохрани съ нимъ разстаться. „Съ первоначала, продолжалъ онъ, — какъ пріѣхалъ къ намъ на исправничество, напалъ онъ на конокрадовъ, да такъ ихъ прижучилъ, что Боже упаси, а тутъ и на пьяницъ, и ужъ опъ ихъ такъ гнулъ, что они не знали, куда и дѣваться. Вотъ и чище стало у насъ и привольнѣе".

Разсказъ этотъ очень заинтересовалъ меня, и какъ разсказчикъ все время говорилъ стоя, а рѣчь его не прерывалась, то чтобы промочить ему горло, я спросилъ его—пьетъ-ли опъ чай? „Гдѣ намъ, мужикамъ, пить чай, хоть-бы хлѣбъ-то былъ насущный". Но когда я предложилъ ему выпить со мною стаканъ чаю, то онъ не отказался. Я приказалъ моему служителю придвинуть ко мнѣ ближе скамью и пригласилъ крестьянина сѣсть. Но опъ долго не соглашался. „Какъ можно-де мнѣ, мужику, сидѣть съ твоею милостью". Но я настаивалъ, грозя самъ встать, и тогда онъ

сѣлъ и, положивъ на полъ шапку и рукавицы и прикусывая сахаръ, удостовѣрилъ меня, что пить чай для него не новость. А затѣмъ и рѣчь его полилась рѣкою. „Петръ Петровичъ-то, какъ прошли три года, и задумай уйти отъ насъ: тяжело-де ему стало. Вотъ наши старики и испугались, да и къ губернатору: такъ и такъ, говорятъ, Петръ Петровичъ хочетъ отъ насъ отъѣхать, а губернаторъ-то и говоритъ имъ, что долѣе трехъ лѣтъ онъ не имѣетъ власти удержать его. Тогда старики надумали послать отъ всего уѣзда трехъ посланцевъ въ Питеръ къ царю-батюшкѣ, чтобъ онъ оставилъ намъ Петра Петровича: что-де намъ безъ него—хоть въ могилу ложись. Вотъ мѣсяца черезъ три слухъ прошелъ, что Петра Петровича къ губернатору потребовали, а у стариковъ нашихъ сердца-то такъ и замерли. А какъ воротился онъ изъ губерніи, такъ и слышимъ, что онъ получилъ кавалерію и повышенъ. Ну, эдакимъ манеромъ онъ еще три года пробылъ у насъ, и мы не знали какъ Бога благодарить за посланную намъ благодать. А какъ три-то года начали исходить, старики поотбористѣе и наѣхали къ П. П. провѣдать, какъ онъ думаетъ? А онъ и говоритъ имъ: „довольно я съ вами намаялся“. Вотъ старики-то наши, зная, что губернаторъ съ нимъ не сладитъ, порѣшили опять писать царю-батюшкѣ, а это потому, что когда въ первый-то разъ трое были въ Питерѣ, такъ имъ сказали, что можно-де по почтѣ писать; такъ вотъ они и написали съ ночтой. Ну и въ этотъ разъ П. П. получилъ отъ царя-батюшки награжденіе кавалеріей и повышеніемъ. Въ это время смѣна была губернатору, пріѣхалъ новый, и П. П., воротясь изъ губерніи, былъ оченно тогда веселъ, все (какъ у насъ разсказывали) говорилъ: „куда-де мнѣ теперь отъ васъ ѣхать, ужъ видно мнѣ здѣсь до гроба жить“. Такъ-то и до сихъ поръ съ нами живетъ, вотъ ужъ 20-й годъ“.

Такой разсказъ человѣка простаго, безъ всякой хитрости и прикрасъ, крайне заинтересовалъ меня, и я, желая скорѣе увидѣть лицомъ къ лицу такого исправника, какого мнѣ, проѣхавшему слишкомъ 12 губерній, встрѣчать не удавалось, приказалъ своимъ людямъ собираться и запрягать лошадей въ мою бричку. Но, къ крайнему моему удивленію, слышу, что все уже готово и бричка подана. Выхожу и вижу бричку, запряженную тройкою отличныхъ лошадей; спрашиваю: „откуда эти лошади?“ а ям-

щикъ, парень лѣтъ 25-ти, отвѣчаетъ, что П. П. приказали вашу милость представить къ нему какъ можно скорѣе, такъ мы и привели своихъ лошадей. И точно, приказаніе П. П. было исполнено буквально, потому что меня не везли, а несли лошади, такъ что ямщика нужно было не понуждать, а удерживать, чтобы поберечь колеса и оси моей брички. Но ямщикъ сказалъ мнѣ на это: „не бойся, батюшка, П. П. дороги у насъ по всему уѣзду исправилъ, словно скатерть, и ни колесамъ, ни осямъ изъяну не будетъ“. До города М. было верстъ 60, а я, выѣхавъ съ мѣста въ 7 часовъ, къ $10^1/_2$ былъ уже у воротъ дома П. П., перемѣнивъ лошадей только одинъ разъ. И вотъ, ворота отворяются, бричка въѣзжаетъ на дворъ, и я вижу направо домъ и крыльцо, а на крыльцѣ стоитъ человѣкъ лѣтъ 45-ти, въ халатѣ изъ сѣрой нанки, подпоясанный такимъ-же поясомъ, и съ колпакомъ на головѣ. Онъ кричитъ ямщику: „правѣе, братецъ, подвози ближе; нутъ-ка, выходи, питерской, дай на себя полюбоваться!“ И когда я подошелъ къ нему, онъ поздоровался со мною по русскому обычаю, поцѣловавъ три раза, и говоритъ: „пойдемъ скорѣе, моя старуха соскучилась ждавши тебя“. Войдя въ комнату, я увидѣлъ женщину, весьма почтенной и привлекательной наружности, не богато, но чисто и даже изысканно одѣтую, которая съ своей стороны насказала мнѣ много любезностей и пригласила идти въ другую комнату къ завтраку. Такой пріемъ, такая любезность поразили меня: я не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ моимъ и мнѣ чудилось, ужъ не родные-ли это мои, которыхъ я не зналъ и съ которыми такъ нечаянно встрѣтился? Но нѣтъ! это не кровные родные мои, а родные и присные по общему нашему отечеству—русскіе люди! Съ такими людьми, при такомъ радушномъ пріемѣ ихъ, скоро свыкаешься и языкъ развязывается. Вотъ и сутки прошли, а мы не трогаемся съ мѣста; на другія сутки П. П. ужъ выводилъ меня по всему М. и показалъ всѣ его примѣчательности, которыя, впрочемъ, ограничились единственнымъ кирпичнымъ, одноэтажнымъ домомъ богатаго купца-татарина, торговавшаго всѣмъ, отъ помады до дегтя и отъ чайной чашки до досокъ. Вотъ и третьи сутки проходятъ, а дѣло мое все не двигается, и я, наконецъ, началъ просить П. П. отпустить меня. Тутъ-то онъ открылъ мнѣ, что уже разослалъ трехъ моихъ служителей въ разныя

мѣста съ инструкціями, для собранія нужныхъ мнѣ свѣдѣній. Они и прибыли въ этотъ-же день и доставили мнѣ весьма дѣльныя извѣстія, избавившія меня отъ напрасныхъ поѣздокъ въ такія мѣста, куда мнѣ незачѣмъ было ѣздить. Вотъ новое доказательство стремленія прекрасной души П. П—ча къ пользамъ общимъ и частнымъ! Въ прежнихъ моихъ поѣздкахъ я слышалъ отъ исправниковъ слова: „я уже распорядился по уѣзду объ оказаніи вамъ всякихъ нужныхъ пособій"—и только. Этотъ-же не удовольствовался одною формальностью, а указалъ мнѣ особенно замѣчательныя мѣста и тѣмъ мнѣ облегчилъ работу, а казнѣ принесъ прибыль, уменьшивъ расходы. Значитъ—тѣ исправники плохо знали или и совсѣмъ не знали свои уѣзды, а этотъ зналъ свой уѣздъ, какъ свои пять пальцевъ. Когда меня собирали въ дорогу, онъ, увидя у меня пистолеты и двухствольное ружье, спросилъ, зачѣмъ это оружіе?—а когда я сказалъ, что шатаясь по лѣсамъ, не знаешь съ кѣмъ встрѣтишься, то онъ, взявъ пистолеты и ружье, вышелъ со мною на крыльцо и выстрѣлилъ изъ нихъ на воздухъ, говоря, что въ его уѣздѣ и малый ребенокъ можетъ безопасно гулять, гдѣ пожелаетъ, и что если меня комаръ или муха обидятъ, то я только увѣдомилъ-бы его, а онъ съ ними справится. Все это крайне удивляло меня.

Изъ разговоровъ съ П. П. я узналъ, между прочимъ, что онъ не только исправникъ въ уѣздѣ, но и указатель крестьянамъ на полезныя для нихъ занятія. „Вѣдь Господь создалъ людей, что листья на деревѣ"—говорилъ онъ мнѣ—„вотъ береза, сорви два, три листа, сорви тысячу—все листья березы, а одинъ отъ другаго разнится; такъ и люди: одинъ любитъ пахать, другой—огородничать, третій—торговать и т. д.; такъ какъ-же не направить мужика именно туда, куда ему самъ Богъ внушилъ идти?— Оттого-то у меня и пѣтъ воровъ, что пѣтъ тупеядцевъ: всѣ заняты, у всѣхъ работы куча, дѣлать не успѣваютъ. Нужны тебѣ кузнецъ и слесарь? ступай въ село П., тамъ тебѣ хоть карету сдѣлаютъ;—нужно плотника, столяра? ступай въ деревню Ж., тамъ тебѣ все справятъ; нужно ткачихъ? иди въ село Ц., тамъ все ткачихи. Да вѣдь ко мнѣ въ уѣздъ изъ другихъ губерній пріѣзжаютъ для подѣлокъ. У меня весь уѣздъ какъ одна семья, всѣ живутъ между собой мирно и дружно. Я старался и стараюсь переродить крестьянъ между собою, и слава Богу! скажи

теперь крестьянину: съѣзди за сто верстъ, и онъ охотно поѣдетъ, потому что увидится тамъ съ родными".

Долго я не смѣлъ коснуться одного предмета, о которомъ очень хотѣлось спросить П. П—ча и который я затрогивалъ, во время переѣзда, въ разговорѣ съ ямщиками, но они наотрѣзъ и съ сердцемъ говорили мнѣ: „ну станетъ-ли П. П. дѣлать такую пакость!"—Наконецъ, я рѣшился-такп спросить П. П—ча: вотъ, какъ я вижу, живете вы въ довольствѣ, хлѣбъ-соль у васъ вкусные; вѣрно у васъ есть гдѣ-нибудь помѣстье?" — На это онъ, усмѣхнувшись, отвѣчалъ: „знаю, другъ, въ какой огородъ ты лѣзешь, то есть беру-ли я съ крестьянъ поборы?"—„О нѣтъ! П. П.",—перебилъ я,—„мнѣ и крестьяне говорили, что вы этого не дѣлаете."—„Солгали они вамъ",—отвѣчалъ онъ,—„любя меня, они этого не скажутъ. Да какъ-же мнѣ не пользоваться отъ нихъ?—вѣдь у меня ни кола, ни двора; жалованье я получаю маленькое, а ко мнѣ заѣзжаютъ люди, которымъ кое-чего не подашь, такъ они могутъ своимъ вліяніемъ вредить имъ-же, крестьянамъ, и потому, чтобъ отстранить разныя непріятности, я беру съ крестьянъ, но разсмотрительно. Когда я вступилъ въ должность, они навезли ко мнѣ столько возовъ, что на дворѣ, какъ онъ ни великъ, всѣ эти возы не умѣстились и многіе остались на улицѣ. Я всѣхъ ихъ прогналъ и приказалъ пріѣхать ко мнѣ отъ всякаго селенія по старику-довѣреппому или старостѣ. А когда они собрались ко мнѣ, я далъ имъ записки сколько и чего какое селеніе должно доставить мнѣ; записки-же мои были составлены на томъ основаніи, что какъ семья моя состоитъ изъ меня съ женой и тремя сыновьями, да при насъ въ услуженіи три женщины да два мужика, да держимъ корову и три лошади да нѣсколько птицъ для своего обиходу, то для этого нужно муки кулей столько-то, овса столько-то, крупы столько-то, а для одежды намъ всѣмъ нужно сукна, холста и проч. столько-то, а на все это денегъ нужно столько-то. Когда мужики мои все это узпали да разжевали, такъ и узнали, что па каждую душу пришлось по 2 копѣйки съ долей въ годъ и пришли ко мнѣ съ просьбой увеличить плату. Я прогналъ ихъ и пригрозилъ, что брошу ихъ и уѣду. Онн замолчали и теперь исполняютъ мой приказъ. Опи не обижены, а я доволенъ".

Подали мою бричку и я, облобызавъ моихъ милыхъ, по душѣ родственныхъ мнѣ, стариковъ, уѣхалъ отъ нихъ, съ душою, полною умиленія... Какъ я ни желалъ, но въ другой разъ быть у нихъ мнѣ уже не довелось, поклонами-же мы долго пересылались.

П. П., въ мое посѣщеніе, былъ коллежскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ орденовъ: св. Анны 2-й степени съ бриллiантами и св. Владиміра 4-й степени, что въ то время было большою рѣдкостью".

III.

ДВА СОБЫТІЯ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Отрывокъ изъ записокъ ген. отъ инфант. кн. Н. С. Голицына

1848 — 1849 и 1865—1869 гг.

.... Въ жизни моей два событія имѣли прискорбное значеніе лично для меня и вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе прискорбное значеніе въ общественномъ смыслѣ.

Первое — было назначеніе меня, противъ моей воли, изъ генеральнаго штаба полковника и профессора военной исторіи и стратегіи въ Императорской военной академіи — директоромъ Императорскаго училища правовѣдѣнія, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, 15-го января 1848 года., пребываніе въ этой должности въ 1848 и 1849 гг., и увольненіе отъ оной, по собственной и непремѣнной моей волѣ, съ назначеніемъ вновь въ генеральный штабъ прежнимъ чиномъ полковника — 7-го декабря 1849 г. Подробности этого событія изложены мною въ рукописныхъ запискахъ моихъ за 1848 и 1849 гг., и я ихъ здѣсь повторять не буду, а приведу вкратцѣ, съ прибавленіемъ лишь нѣкоторыхъ чертъ, служащихъ къ характеристикѣ того времени въ общественномъ отношеніи.

25-го января 1848 г. я былъ торжественно введенъ покойнымъ принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ въ училище правовѣдѣнія. Мѣсяцъ спустя, въ концѣ февраля 1848 г., произошла революція во Франціи, съ учрежденіемъ второй французской республики, а за этою революціею послѣдовали такія-же въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, Венгріи, Валахіи и Молдавіи—всѣ въ томъ-же духѣ и смыслѣ. Во всѣхъ этихъ революціяхъ приняла дѣятельное участіе польская эмиграція, сосредоточившаяся, послѣ польской революціи 1830—1831 гг., преимущественно въ Парижѣ и имѣвшая цѣлью возстановленіе Польши. Главные агенты этой эмиграціи вездѣ въ западной Европѣ орудовали съ своими цѣлями, особенно на правой сторонѣ Рейна, гдѣ полякъ Мирославскій сталъ набирать польскіе легіоны, и въ Венгріи, куда бросились всѣ главные польскіе эмигранты 1830—1831 гг., военные и гражданскіе. Ближайшій къ Россіи и самый опасный для нея очагъ польско-венгерской революціи былъ въ Венгріи, сильно угрожавшій Австріи и не менѣе того Царству Польскому и западной Россіи. Это и побудило императора Николая Павловича послать въ Венгрію, въ 1849 г., русскую армію, которая въ одинъ походъ и положила конецъ польско-венгерской революціи, и спасла Австрію и наши польскія области отъ угрожавшей имъ опасности. Спасеніе послѣднихъ было главною причиною вооруженнаго вмѣшательства императора Николая въ революцію Венгріи, а вовсе не спасеніе Австріи, какъ провозгласили польскіе, венгерскіе и за ними всѣ западно-европейскіе революціонеры и сочувствовавшіе имъ въ Россіи тайные друзья революціи и враги императора Николая. Для Россіи опасность была, между прочимъ, и въ томъ, что польскіе умы людей всѣхъ возрастовъ, даже юношей, воспламенялись польскими мечтами о возстановленіи Польши до Двины и Днѣпра. Учащееся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ польское юношество (изъ западныхъ губерній) воспламенилось тою-же польскою идеею, въ томъ числѣ и въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ ихъ было не мало. Можно себѣ вообразить, въ какое положеніе былъ поставленъ я, только-что назначенный директоромъ училища правовѣдѣнія, предшествовавшимъ 12-ти-лѣтнимъ управленіемъ директора Пошмана доведеннаго до утраты всякой дисциплины и порядка, къ чему въ 1848—1849 гг. присоединилось броженіе умовъ польскихъ

воспитанниковъ. Положеніе мое было до того противно мнѣ, что я уже лѣтомъ 1848 г. помышлялъ бѣжать изъ этого училища, но, конечно, это было невозможно, и я волей-неволей долженъ былъ покориться своей судьбѣ. Къ этому должно еще прибавить, что выпускъ 1848 года изъ училища былъ вообще благонадежный и хорошій, но поступившій съ августа 1848 г. въ 1-й классъ, напротивъ, весьма нехорошій тѣмъ, что въ немъ на половину были неблагонадежные молодые люди и въ религіозномъ, и въ политическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ (даже нигилисты). И съ этими-то дурными элементами пришлось мнѣ бороться въ 1848—1849 учебномъ курсѣ, подобно тому, какъ императоръ Николай въ то-же время боролся съ польскою революціею и внѣ, и внутри Россіи. Внутри ея сугубо усилилось дѣйствіе пресловутаго III отдѣленія, бывшаго въ то время высшаго полицейскаго учрежденія, подъ управленіемъ графа Орлова, но въ сущности генерала Дубельта, души этого отдѣленія. Шпіоны и шпіонство усилились до крайности и имъ подверглись всѣ учебныя заведенія въ Петербургѣ, въ томъ числѣ и училище правовѣдѣнія. Однако, заговоръ Петрашевскаго въ 1848 г. былъ открытъ не Дубельтомъ, а начальникомъ с.-петербургской сыскной полиціи Синицынымъ, и доложенъ императору Николаю не Орловымъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ. Открытіе этого заговора еще болѣе усилило шпіонство, особенно со стороны Дубельта и III-го отдѣленія. Вотъ въ какое положеніе я попался по назначеніи меня директоромъ училища правовѣдѣнія. Къ счастію, этотъ злополучный 1848 г. прошелъ для меня благополучно, хотя не безъ борьбы въ училищѣ, много причинившей мнѣ горя стоившей много труда и разстройства здоровья. Но въ концѣ зимы 1848—1849 гг. случилось въ училищѣ прискорбное для меня событіе.

Однажды, является ко мнѣ воспитанникъ 3-го класса, носившій несчастную фамилію Политковскаго (въ январѣ 1853 г. обличеннаго въ расхищеніи кассы комитета инвалидовъ, а воспитанникъ былъ родственникъ его). Это былъ жалкій идіотъ, вѣчно безъ денегъ и просившій милостыню у товарищей. Явившись ко мнѣ, онъ объявилъ, что получилъ приглашеніе явиться въ III отдѣленіе. „Зачѣмъ?“ спросилъ я. — „Не знаю“. — „Оттуда, когда узнаете, явитесь ко мнѣ и скажите“. Но онъ не явился, а вскорѣ

затѣмъ пріѣхали ко мнѣ адъютантъ графа Орлова и два жандармскіе: 1 штабъ-офицеръ и 1 оберъ-офицеръ, съ предписаніемъ Орлова немедленно арестовать воспитанниковъ 3-го класса Бѣликовича и князя Гагарина, и съ ихъ бумагами, вещами и дядьками доставить въ III отдѣленіе. Это было исполнено, и я, въ крайнемъ недоумѣніи, не зналъ, что сей сонъ значитъ, хотя предугадывалъ тутъ что-то недоброе. Я ждалъ, не пригласитъ-ли Дубельтъ меня къ себѣ, или не пріѣдетъ-ли самъ ко мнѣ, или-же не пришлетъ-ли кого для объясненія со мною. Но напрасно было мое ожиданіе въ продолженіи двухъ недѣль или и болѣе. И вдругъ, какъ бомба, разразилось надъ моею головою нѣчто вовсе непредвидѣнное и неожиданное! Принцъ Ольденбургскій пригласилъ меня къ себѣ, и въ присутствіи своего довѣреннаго адъютанта, полковника С. И. Мальцова, показалъ мнѣ дѣло III отдѣленія о воспитанникахъ Бѣликовичѣ и кн. Гагаринѣ, обвиняемыхъ: первый въ томъ, что въ его бумагахъ былъ найденъ писанный на польскомъ языкѣ дневникъ, съ сочувствіемъ Мирославскому мыслями и выраженіями, а второй — въ томъ, что за завтракомъ или обѣдомъ будто-бы сказалъ товарищамъ: —нужно повѣсить". Сверху была слѣдующая резолюція императора Николая:

— „Вотъ они, поляки, всѣ одинъ какъ другой! Бѣликовича разжаловать въ рядовые и сослать въ отдаленный Оренбургскій линейный баталіонъ; Гагарина-же опредѣлить юнкеромъ въ одинъ изъ полковъ московскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы отецъ его самъ наказалъ его, а директору училища (т. е. мнѣ) объявить строжайшій выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ".

Плохо пришлось-бы мнѣ, если-бы добрѣйшій принцъ Ольденбургскій, самъ лично, черезъ Орлова, не упросилъ императора Николая не вносить выговоръ мнѣ въ формуляръ. Кн. Гагарина участь была смягчена потому, что мать его, рожденная Сабурова, была другомъ и пріятельницей принцессы Ольденбургской, и Гагаринъ, прослуживъ нѣсколько времени юнкеромъ, былъ произведенъ въ офицеры на Кавказъ, гдѣ служилъ долго, позже былъ адъютантомъ военнаго министра и умеръ въ чинѣ генералъ-маіора. Что касается до Бѣликовича, то онъ прослуживъ солдатомъ, кончилъ жизнь на приступѣ одного пограничнаго азіятскаго укрѣпленія.

Это событіе рѣшило мои недоумѣнія и колебанія: я сказалъ себѣ, что не останусь болѣе въ училищѣ правовѣдѣнія, но выжду время, чтобы не подвергнуться сугубому гнѣву, не болѣе шести мѣсяцевъ, по прошествіи которыхъ выйду опять въ генеральный штабъ, что и исполнилъ въ декабрѣ 1849 г., зачисленный въ этотъ штабъ прежнимъ чиномъ полковника.

Необходимо, однако, хотя теперь, болѣе сорока лѣтъ спустя послѣ сего происшествія, раскрыть всю подкладку этого событія, завершившагося столь суровымъ судомъ. Бѣликовичъ, 15-ти лѣтъ, уроженецъ Витебской губ., католикъ, былъ прекрасный, умный мальчикъ, одинъ изъ первыхъ въ классѣ по ученію, но съ горячей, пылкой головой, къ сожалѣнію, восторженной польскими идеями, и имѣлъ неосторожность вести откровенно свой дневникъ на польскомъ языкѣ и оставлять его въ своей классной лавкѣ, вмѣстѣ съ учебными тетрадями. А воспитатели этого III класса не заботились осматривать тетради воспитанниковъ, что было прямою обязанностью ихъ, а не директора. Они (съ нѣкоторыми исключеніями), оберегали болѣе себя, чѣмъ воспитанниковъ и директора, и служили плохими помощниками директору.

Князей Гагариныхъ въ первой половинѣ 1848 г. было два брата, изъ которыхъ одинъ, лѣнтяй и возмутитель другихъ, былъ уволенъ изъ младшихъ классовъ училища, а другой остался, но также былъ не очень благонадеженъ, однако, дотащился до III класса. Политковскій былъ пищій идіотъ, въ презрѣніи у товарищей, и ничего путнаго не обѣщалъ. Онъ-то и оказался самымъ пригоднымъ орудіемъ Дубельту, чтобы спасти себя и свою репутацію, вслѣдствіе открытія заговора Петрашевскаго не имъ, Дубельтомъ (le général Double, какъ его звали по-французски), а Перовскимъ черезъ Синицына. Говорили, что императоръ Николай, утромъ послѣ открытія заговора Петрашевскаго, встрѣтилъ входившаго въ кабинетъ государя Орлова словами: „Хорошъ! открытъ заговоръ, а я узналъ объ этомъ не отъ тебя, а отъ Перовскаго! — Узнай и доложи почему?“ Орловъ къ Дубельту, а этотъ, какъ казна, которая въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ, не долго думая и не далеко ходя, закинулъ свою удочку по близости —въ училище правовѣдѣнія, привлекъ идіота Политковскаго и вымапилъ у него доносъ на товарищей его-же класса, бѣ-

ликовича и князя Гагарина, слѣдствіемъ чего и было все изложенное выше... Вновь повторяю, если-бъ не добрѣйшій принцъ Ольденбургскій—хвала ему и честь—директоръ училища правовѣдѣнія, 23 года съ честью носившій мундиръ генеральнаго штаба, навсегда сталъ-бы жертвою ужасной случайности, въ которой ни въ чемъ не былъ повиненъ. Вѣдь еще у римлянъ, по ихъ законамъ, не обвиняли подсудимаго, не выслушавъ его оправданія, а въ училищѣ правовѣдѣнія, въ Россіи, въ 1849 году, никто и не потребовалъ объясненія директора.

Второе прискорбное для меня событіе въ моей жизни относится уже къ царствованію императора Александра II. Это было участіе мое въ 1-мъ миссіонерскомъ обществѣ 1865—1869 гг. Общество это учредилось въ 1865 г., по почину извѣстной въ то время по своему благочестію и благотворительности Татьяны Борисовны Потемкиной, рожденной княжны Голицыной (умершей въ 1869 г.) и по особому покровительству этому дѣлу императрицы Маріи Александровны. По утвержденіи устава общества и собраніи членовъ послѣдняго (въ томъ числѣ и меня), въ ноябрѣ 1865 г., въ домѣ Т. Б. Потемкиной (въ Спб., на углу Милліонной и Мошкова переулка) произошло первое общее собраніе членовъ общества и въ домовой церкви было совершено молебствіе, а потомъ произведены первые выборы совѣта общества. Предсѣдателемъ совѣта былъ избранъ викарій спб. епархіи епископъ Герасимъ, а въ члены совѣта —я, С. О. Бурачекъ, А. П. Башуцкій и др. Совѣтъ началъ собираться въ домѣ Т. Б. Потемкиной, и вотъ тутъ-то, съ самаго начала, возникли печальныя недоразумѣнія между духовными и свѣтскими членами совѣта и общества. Причиною было настоятельное требованіе свѣтскихъ членовъ, чтобы начальникъ Алтайской духовной миссіи, протоіерей Лапдышевъ, болѣе 30-ти лѣтъ управлявшій ею послѣ извѣстнаго архимандрита Макарія, доставилъ совѣту общества отчетъ о приходѣ, расходѣ и наличности суммъ въ его вѣдѣніи, для пріобщенія ихъ къ основному капиталу общества. Ландышевъ воспротивился этому рѣшительно и былъ поддержанъ духовными членами совѣта. Свѣтскіе члены не хотѣли уступать и продолжали

настаивать на своемъ требованіи. Убѣдившись, что достигнуть своей цѣли при предсѣдательствѣ викарія Герасима и сочувствіи его духовенству было невозможно, они произвели, по уставу, 1-го марта 1866 года, новые выборы предсѣдателя и членовъ совѣта — и провели въ нихъ только однихъ свѣтскихъ членовъ, избравъ предсѣдателемъ совѣта меня, противъ моей воли, лишь по усиленнымъ и настоятельнымъ просьбамъ своимъ. И вотъ въ этомъ-то избраніи меня и оказались для меня причины послѣдовавшихъ трехъ-лѣтнихъ огорченій и непріятностей для меня. Борьба между свѣтскими и духовными членами общества съ ходомъ времени разгоралась все болѣе и болѣе, преимущественно по вліянію бійскаго, Томской губерніи, купца Аѳанасія Григорьевича Малькова, который первый, задолго до 1865 г., усиленно хлопоталъ объ учрежденіи миссіонерскаго общества и подчиненіи ему Алтайской миссіи.

1-го марта 1867 г., на новыхъ выборахъ, я отказался отъ званія предсѣдателя совѣта, и избранъ былъ членъ синода епископъ Василій, одинъ изъ главныхъ участниковъ, вмѣстѣ съ епископомъ, потомъ митрополитомъ литовскимъ, Іосифомъ Сѣмашко, въ возсоединеніи уніатовъ съ православною церковью въ 1839 г. Я остался членомъ совѣта, прочіе члены котораго были всѣ изъ свѣтскихъ. Но дѣло въ 1867—1868 гг. пошло не лучше, а все хуже и хуже. На выборахъ 1-го марта 1868 г. епископъ Василій отказался отъ предсѣдательства въ совѣтѣ, и въ предсѣдатели снова избрали меня, противъ моей воли и къ крайнему моему неудовольствію и сожалѣнію. Въ теченіи 1868 г. я нѣсколько разъ отказывался отъ предсѣдательства въ совѣтѣ, но члены его и общества (свѣтскіе) настоятельно просили и даже требовали, чтобы я оставался предсѣдателемъ совѣта, и почти насильно принудили меня къ тому, въ интересахъ общества. А между тѣмъ, рознь между свѣтскими и духовными членами общества дошла до такой степени, что между ними произошелъ явный расколъ. Всѣ духовные члены крайне непріязненно возстали противъ свѣтскихъ членовъ совѣта и общества, и особенно противъ меня и С. О. Бурачка. Съ августа 1868 г. до 1-го марта 1869 г. было самое бурное время для общества, и враждебное настроеніе противъ свѣтскихъ членовъ общества и его совѣта, особенно меня и С. О. Бурачка, до-

стигло высшей степени. Дошло до того, что въ это вмѣшался синодъ, и между нимъ и совѣтомъ общества возникли оффиціальныя пререканія. Неудовольствіе нѣкоторыхъ лицъ изъ среды духовенства сообщилось и императрицѣ, и императору, и коснулось меня лично. Наконецъ, всѣ претерпѣнныя мною въ три года огорченія переполнили мѣру моего терпѣнія, и 1-го марта 1869 г. я рѣшительно сложилъ съ себя званіе предсѣдателя совѣта и члена общества, и въ концѣ мая поѣхалъ въ 4-хъ-мѣсячный отпускъ заграницу [1]), и только тамъ отдохнулъ душою отъ всѣхъ бывшихъ треволненій. Къ счастію, 7-го января 1876 г., по случаю 50-лѣтія моей службы, по доброму ходатайству военнаго министра Д. А. Милютина, государь императоръ продолжилъ мнѣ аренду на 12 лѣтъ, и при представленіи моемъ ему былъ очень милостивъ ко мнѣ; да иначе и не могло быть, потому что мое участіе въ миссіонерскомъ обществѣ было дѣло частное, а по 50-лѣтней службѣ моей я былъ безупреченъ.

Такимъ образомъ, мое двухъ-годичное директорство въ училищѣ правовѣдѣнія и трехъ-лѣтнее участіе въ миссіонерскомъ обществѣ—поистинѣ были горестными для меня событіями въ моей жизни! Это были два тяжелыя для меня испытанія.

Кн. **Н. С. Голицынъ.**

27-го января 1889 г.
7-го октября 1890 г.

---

[1]) По милости высокоуважаемаго графа Д. А. Милютина, испросившаго мнѣ даже денежное пособіе на леченіе.

Кн. **Н. Г.**